

Происхождение

Иисус — употребительная греческая форма имени Йошуа. Во времена Иисуса это имя произносилось Йешуа: так порой именуется Иисус из Назарета в древней еврейской литературе. Иногда там его называют также Йешу. Почти наверняка это галилейское произношение имени. Именно галилейским произношением выдал себя Петр после ареста Иисуса (Мф 26:73). Имя Иисус относится к наиболее распространенным в то время еврейским именам. Например, в сочинениях еврейского историка Иосифа Флавия упоминается двадцать человек с этим именем. Первый из них — библейский Йошуа, преемник Моисея, завоевавший Святую землю. Евреи того времени в силу религиозного благоговения избегали давать своим детям имена важнейших библейских персонажей — таких, как Давид и Соломон, Моисей и Аарон. Возможно, имя Йешуа-Иисус было тогда столь распространенным, поскольку как имя преемника оно употреблялось взамен имени Моисея.

Отец и братья Иисуса также носили широко распространенные имена. Братьев^[11] звали Иаков, Иосия, Иуда и Симон (Мк 6:3). Это имена библейского праотца Иакова и трех его сыновей, которые тогда встречались так же часто, как сейчас Ханс и Фриц. Иосия — это сокращенная форма имени Иосиф: именно так звали отца Иисуса. Сейчас у евреев не допускается называть ребенка именем живого отца; в древности же это был распространенный обычай. Мать Иисуса звали Марией, что соответствует древнееврейскому Мирьям. Это имя тогда тоже нередко встречалось. Из древности до нас дошло не так много женских имен (мы знаем, например, что у Иисуса были сестры, имена которых предание не сохранило). Однако Иосиф упоминает восемь женщин по имени Мирьям: первая из них — сестра Моисея, остальные были названы в ее честь.

История чудесного рождения Иисуса сохранилась в двух литературно независимых вариантах — у Матфея и Луки. У Марка и Иоанна эта история отсутствует, и больше нигде в Новом Завете мы не находим ни малейшего намека на ее существование. Вне Нового Завета первое упоминание о непорочном зачатии Иисуса мы встречаем у Игнатия Антиохийского (ум. в 107 г.).

Иисус Христос, как известно, означает Иисус Мессия. Согласно древней традиции, Мессия должен быть потомком («сыном») Давида. Матфей (1:2-16) и Лука (3:23-38) приводят генеалогическое древо Иисуса, которое ведет к Давиду. По обеим родословным именно Иосиф, а не Мария, происходит от царя Давида. Примечательно, что родословные приводятся как раз в тех евангелиях, которые содержат историю рождения Иисуса девственницей, т. е. у Матфея и Луки. Таким образом, создается впечатление, что оба евангелиста не ощущают противоречия между происхождением Иисуса от Давида через Иосифа и его рождением без земного отца. К тому же следует

отметить, что оба генеалогических списка совпадают только в той части, которая ведет от Авраама до Давида^[2]. Натяжки, имеющиеся в обоих списках, а также их значительное расхождение наводят на мысль, что обе родословные сконструированы, так сказать, ad hoc, чтобы доказать происхождение Иисуса от Давида.

Само по себе для того времени было вполне естественным объявить человека, которого почитали Мессией, «потомком Давида» и тем самым узаконить задним числом его мессианский статус. Так произошло с Бар Кохбой (ум. в 135 г.). Между тем выяснилось, что во времена Иисуса жило немало настоящих потомков Давида. В последние годы был даже обнаружен оссуарий, предназначенный для останков представителей дома Давидова^[3]. Правда, для обоснования мессианских притязаний одной принадлежности к роду Давидову было явно не достаточно. У нас, впрочем, нет, несмотря ни на что, твердой уверенности и в том, что Иисус был одним из потомков Давида.

Итак, Матфей и Лука приводят родословную Иисуса, которая ведет к Давиду. Согласно евангелиям, он родился в том же месте, что и Давид, в Вифлееме. Правда, в этом пункте между двумя рассказами существует важное различие: по Луке (2:4), семья Иисуса прибыла в Вифлеем из-за переписи. До рождения Иисуса они жили в Назарете, куда затем и вернулись. Напротив, согласно Матфею, семья Иисуса до рождения первенца обитала в Вифлееме и только после бегства в Египет обосновалась в Назарете (2:23)^[4]. Отсюда напрашивается вывод, что и предание, по которому Иисус родился в Вифлееме, и доказательство его происхождения из рода Давида возникли по очень простой причине: в то время многие верили, что Мессия должен родиться в Вифлееме и быть потомком Давида. Этот вывод подтверждает и евангелие по Иоанну (7:41–42). Против веры в мессианское достоинство Иисуса там приводится следующее возражение: «Разве может Мессия прийти из Галилеи? Разве не говорится в Писании, что Мессия произойдет из потомства Давидова, из деревни Вифлеем, откуда был родом Давид?» Следовательно, Иоанн ничего не знает ни о рождении Иисуса в Вифлееме, ни о его происхождении от Давида. Из этих слов ясно, что для признания Мессии требовалось выполнение обоих условий.

Таким образом, Иисус был галилейским евреем и, вероятно, родился в Назарете. Там он, несомненно, и прожил до крещения Иоанном Крестителем, т. е. примерно до тридцати лет (Лк 3:23). Его крещение можно отнести к 27/28 или 28/29 гг. н. э.^[5] Труднее ответить на вопрос о том, как долго продолжалась его публичная деятельность от крещения до смерти. По первым трем евангелиям получается, что это время занимает не более года. Однако, согласно евангелию по Иоанну, оно охватывает два, а может быть, и три года. В настоящее время мы хорошо понимаем, что Иоанн Богослов не ставил перед собой задачи историка, а потому используемые им указания времени и места требуют дополнительной проверки^[6]. Конечно, следует задать вопрос и о достоверности исторических и географических сведений,

сообщаемых синоптическими евангелиями, иными словами, об обусловленности этих сведений богословской задачей, которая ставилась евангелистами. Однако существуют достаточно серьезные соображения, которые позволяют в данном случае отнестись к синоптикам с доверием. Хотя Иисус еще до своего последнего путешествия, по-видимому, бывал в Иудее и в Иерусалиме, главный район его проповеди все-таки находился в Галилее, на северо-западном берегу Генисаретского озера. Кроме того, события жизни Иисуса естественнее всего объясняются, если допустить, что между его крещением и казнью прошло очень мало времени. Некоторые ученые считают, что Иисус был распят в Пасху 30-го или 33 года. Таким образом, его крещение, скорее всего, состоялось в 28/29 г., а погиб он в 30 г.

Как мы видели, у Иисуса было четыре брата и сестры. Стало быть, в этой семье было по меньшей мере семеро детей. Тот, кто рождение Иисуса девственницей считает историческим фактом и одновременно признает, что у Иисуса действительно были родные братья и сестры, должен прийти к выводу, что Иисус был у Марии первенцем. Но даже если не считать исторически достоверными рождественские рассказы Матфея и Луки, можно допустить, что Иисус и в самом деле был старшим ребенком в семье. Лука (2:22–24) сообщает, что после рождения Иисуса родители принесли его в Иерусалим, чтобы представить Господу, как это положено по Закону («всякое существо мужского пола, впервые выходящее из материнской утробы, должно быть посвящено Господу»). Правда, первенца можно было выкупить на месте, у священника^[7], но благочестивые люди пользовались всякой возможностью лишний раз совершить паломничество в Иерусалим, в Божий Храм. Таким образом, существуют две возможности: либо Лука (а может быть, его источник) сочинил эту историю, развивая тему непорочного зачатия, либо Иисус действительно был первым ребенком Марии.

Отец Иисуса почти наверняка умер до крещения сына. Возможно, его уже не было в живых, когда Иисус был еще мальчиком. Во время публичной деятельности Иисуса мы встречаем его мать, братьев и сестер, но отец уже не упоминается. Согласно Луке (2:41–51), Иосиф был еще жив, когда Иисусу исполнилось двенадцать лет. «Каждый год родители Иисуса ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. Когда ему исполнилось двенадцать лет, они пошли на праздник, как обычно. После праздника они отправились домой, а мальчик Иисус остался в Иерусалиме. Родители об этом не знали, полагая, что он в толпе путников; они прошли день пути, а потом стали искать мальчика среди родственников и знакомых. Не найдя его, они вернулись в Иерусалим и стали искать его там. Через три дня они нашли его в Храме. Он сидел посреди учителей, слушая их и задавая вопросы. Все, кто слышал его, поражались его уму и ответам».

Этот эпизод из жизни мальчика Иисуса — по существу, рассказ о не по возрасту развитом ребенке с задатками ученого, хочется сказать — о юном талмудисте. Сейчас у евреев взрослым считается юноша, достигший тринадцати лет, а в то время считалось, что двенадцать лет для мальчика — уже зрелый возраст. Возможно, рассказанный Лукой эпизод отражает реальное событие. Я сам слышал нечто подобное от вдовы одного крупного исследователя Талмуда^[8], которая, безусловно, не читала Луку. Однажды, когда родители будущего ученого приехали на ярмарку, мальчик неожиданно потерялся. Родители нашли его лишь на следующее утро возле ешивы, где он горячо спорил с раввинами на ученые темы. Что-то похожее, если я не ошибаюсь, рассказывается и в автобиографии индийского философа Гупты.

Рассказ Луки о мальчике Иисусе не противоречит тому, что мы знаем о еврейском образовании Иисуса. Обычно утверждается (вероятно, с известной долей справедливости), что учениками Иисуса были «люди неученые и простые» (Деян 4:13). Отсюда делается вывод (который принадлежит наименее исторически достоверному Иоанну (7:15), что и сам Иисус был человеком необразованным, так как нигде не учился. Однако, внимательно присмотревшись к высказываниям Иисуса, нетрудно убедиться, что на фоне тогдашней еврейской образованности Иисус вовсе не выглядит невеждой. Он хорошо ориентируется как в Священных Писаниях, так и в устном учении и свободно владеет этим материалом. Уровень традиционного образования Иисуса несравненно выше, чем у того же Павла.

Ф Через несколько десятилетий после распятия Иисуса Иосиф Флавий характеризует его как «человека мудрого». Соответствующее место в сохранившихся рукописях «Иудейских древностей» (XVIII, 3:4) содержит признаки христианской переработки. Однако легко различимая переработка уже в начале интересующего нас места позволяет установить действительный текст Иосифа: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый — если его вообще можно назвать человеком». Именно эта вставка другой рукой (начиная с «если») гарантирует то, что в предшествующем предложении содержится подлинное суждение Иосифа. Иосиф, таким образом, включает Иисуса в череду еврейских мудрецов.

Греческое слово «мудрый» от того же корня, что и понятие софист, не имевшее в ту пору того негативного привкуса, которым это понятие обладает сегодня^[9]. Иосиф обычно употребляет это понятие, когда говорит о видных еврейских мудрецах^[10].

Компетентность Иисуса в вопросах еврейской традиции подтверждается еще и тем фактом, что, хотя он «официально» и не был книжником^[11], к нему обычно обращались «рабби» («мой учитель»)^[12]. «Обращение „рабби" в то время широко употреблялось прежде всего по отношению к знатокам и учителям Торы; однако оно не ограничивалось специально обученными и официально признанными учеными»^[13].

Только в следующем поколении после Иисуса титул «рабби» стал обозначать ученое звание. Иисус считал неуместным, что многие фарисеи допускают по отношению к себе обращение «рабби»: Но вас пусть не называют «рабби», ибо один у вас учитель, а вы все — братья друг другу. И еще Иисус сказал: И отцом не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец — Отец Небесный (Мф 23:8, 9). Слово «абба» («мой отец») было другим распространенным тогда обращением. Даже Бар Кохбу в одном недавно опубликованном письме называют «абба».

Нечто подобное говорил книжник, живший одним поколением раньше Иисуса: «Люби ремесло и ненавидь почетные звания»^[14]. Этот взгляд разделяли многие. Книжники если и бывали подчас высокомерны, то уж книжными червями их не назовешь. Они заставляли своих детей учиться ремеслу, и многие из них сами были ремесленниками. Среди таких ремесленников самыми образованными считались в то время столяры. Когда обсуждался сложный вопрос, обычно говорилось: «Нет ли здесь столяра, сына столяра, который объяснит нам это?»^[15]. Иисус был столяром или сыном столяра, а возможно, и тем, и другим. Само по себе это, конечно, не доказывает, что Иисус и даже его отец были образованными людьми. Но отсюда ясно, что сентиментально-идиллический образ Иисуса — образ скромного, обаятельного и наивного ремесленника — не выдерживает критики.

Уже Ницше справедливо отмечал: «Известные мне опыты вычитывания из евангелий самой настоящей истории „души“ доказывают, на мой взгляд, отвратительное психологическое легкомыслие»^{[16][2]}. Все же один психологический факт из жизни Иисуса нельзя пропустить: его негативное отношение к собственной семье. Этот факт проскальзывает даже у наименее исторически достоверного Иоанна. Когда во время свадьбы в Кане мать попросила Иисуса достать вина, он сказал ей: «Что у нас с тобой общего^[17], женщина?» (2:4)^[9]. Мотив напряженных отношений с семьей доведен почти до предела в одном недавно открытом апокрифическом тексте^[18]. В нем рассказывается, что, когда Иисуса распяли, его мать Мария с сыновьями Иаковом, Симоном и Иудой подошли к кресту и стали рядом. А Иисус, висая на древе, сказал ей: «Забирай своих сыновей и уходи!» Впрочем, о натянутых отношениях с родственниками мы узнаем и от синоптиков. Однажды к Иисусу пришли мать и братья и позвали его. Тогда, обращаясь к ученикам, он сказал: Вот здесь моя мать и мои братья! Всякий, кто исполняет волю Отца моего Небесного, тот мне и брат, и сестра, и мать (Мф 12:46–50; ср. также Лк 11:27–28). Ту же мысль Иисус распространил и на других людей: Истинно говорю вам, всякий, кто оставил дом, или жену, или братьев, или родителей, или детей ради Божьего Царства, тот во много раз больше получит уже сейчас, а в будущем мире еще и вечную жизнь (Лк 18:28–30). И еще одно изречение на ту же тему (на семитских языках оно звучит не так бесчеловечно, как в переводах): Кто приходит ко мне, не возненавидев своего отца, матери, детей, братьев, сестер... тот не станет моим учеником (Лк 14:26). Иисус знал простую истину:

решимость в вопросах веры неизбежно ведет к разрыву семейных уз. И он призывал к такой решимости, поскольку был уверен, что конец близок. «Одному человеку он сказал: Следуй за мной. А тот ответил: „Позволь мне сначала пойти похоронить отца“. Но Иисус ему сказал: Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов... Другой человек сказал ему: „Я пойду за тобой, Господи. Только позволь мне сначала попрощаться с моими домашними“. Иисус ответил: Кто, положив руку на плуг, оглядывается назад, тот не годится для Божьего Царства» (Лк 9:59–62).

Как мы видели, между Иисусом и его родственниками установились весьма натянутые, вероятно, даже окрашенные аффектами, отношения. Этот психологический фактор (корни которого нам неизвестны), по-видимому, сыграл определенную роль при принятии им столь важного для судеб человечества решения. Евангелист Марк сводит психологическую подоплеку семейных отношений Иисуса к довольно простой схеме: как только Иисус бросил ремесло, чтобы возвещать о наступлении Царства, родственники сочли, что он спятил. Марк рассказывает, как близкие «пришли, чтобы силой увести его, поскольку люди говорили: „Он сошел с ума"» (Мк 3:21). Это место едва ли заслуживает доверия. Оно, несомненно, является вставкой (и довольно неуклюжей) самого евангелиста^[19]. К подлинному ядру рассказа, вероятно, относится лишь тот факт, что призвание Иисуса до самой его смерти считалось в семье просто опасной фантазией (ср. Ин 7:5). Иисус справедливо подозревал, что близкие в него не поверят. Поэтому после крещения он отправился не домой, а в Капернаум. Позднее, посетив свой родной город, он лишний раз убедился, что нет пророка в своем отечестве. Когда он учил в синагоге в Назарете, люди недоумевали, откуда такая мудрость у сына Иосифа. Из-за их неверия Иисус не мог там даже чуда совершить.

А какова судьба родственников Иисуса после его смерти? Согласно не вполне достоверному сообщению (Деян 1:14)^[20], мать Иисуса Мария вместе с сыновьями переселилась в Иерусалим к апостолам. Брат Иисуса Иаков поверил под влиянием явления Воскресшего^[21]. В 62 г. он умер за веру в брата, погубленный первосвященником- саддукеем^[22]. Впоследствии поверили также и другие братья Иисуса. Со своими женами они были приняты христианскими общинами (1 Кор 9:5). Признав своего казненного брата Мессией, братья Иисуса должны были прийти к выводу, что они и сами потомки Давида. Из одного древнего источника^[23] мы узнаем следующее. Цезарь Домициан заподозрил, что внуки Иуды, брата Иисуса, потомки еврейского царского рода. Он допросил их в Риме и отпустил, когда выяснилось, что они всего лишь бедные крестьяне. Впоследствии они стали во главе христианских общин, по-видимому, в Галилее, и прожили до времен Траяна. Руководителем иерусалимской общины после убийства Иакова стал двоюродный брат Иисуса Симеон. Таким образом, родственники Иисуса после его смерти, переступив через свой скептицизм, вошли в молодую иудео-христианскую общину, в которую были с честью приняты. Их можно понять: конечно, жить в организованной общине в качестве

родственников самого Спасителя было рискованно, но все же проще, чем видеть в брате и сыне нечто чуждое себе. Мать Иисуса, при всей ее неспособности понять сына, была по-своему права: катастрофа, которой она опасалась, разразилась, и меч прошел через ее собственную душу (Лк 2:35).

Быть может, со временем утешением для нее стала именно вера в воскресшего сына и надежда вновь увидеть его.